

Н.В. Гордеев, В.И. Мерцалов.

Россия на исходе века: снова по пути радикализма?

Российская историческая наука твердо стала на путь концептуального переосмысления советской истории. Он был и остается нелегким. Совсем недавно преобладали работы с ярко выраженной политической тенденциозностью. В публицистике, исторической литературе и даже отдельных новых учебниках отечественная история была превращена в экзотическое «что-то» про «белые» и «черные» пятна. Но в последние годы стало появляться немало глубоких исследований отечественных историков, среди которых следует выделить книгу Г.А. Цыкунова «Российская драма XX века»^{*}.

Книга примечательна уже тем, что её автор не просто россиянин, а наш земляк, сибирский ученый - историк. Автор предлагает свой оригинальный подход к рассмотрению и анализу основных тенденций и закономерностей общественного развития России в нынешнем столетии. Красной нитью книгу пронизывают мотивы национальной идеи, любви к Родине, зовущие к её возрождению.

Уходящее столетие для России было насыщено драматическими и трагическими событиями. Три революции, тяжелейшие, унесшие миллионы жизней войны, годы невиданного в истории героизма и соиздания, а на исходе века - новая радикальная смена общественного строя, трудная и сложная ломка всего уклада народной жизни... Особенность книги Г.А. Цыкунова в том, что она не является чисто исторической, в значительной мере преследует политические обобщения.

При написании пособия автор столкнулся с немалыми трудностями. Не все проблемы советской истории одинаково глубоко разработаны, многие из них продолжают оставаться дискуссионными. Наконец, книга создавалась в период ломки и смены в исторической науке концептуального понимания советского общества. Все это потребовало от автора немалых усилий, чтобы выработать и предложить собственный взгляд на историю России XX в.

Концептуальное ядро этого взгляда - понимание советского общества как строя, созданного на тоталитарной основе. Правда, автор

^{*} Цыкунов Г.А. Российская драма XX века: Учебн. пособие. - Иркутск: Изд-во Иркут. экон. акад., 1996.

нигде не называет его тоталитарным, а использует такие понятия, как “казарменный социализм”, “деформированный социализм”, что сказалось на освещении не только сталинской политики, но и политических процессов современного периода. В целом же книга всем своим содержанием противостоит как беззастенчивому очернительству советской истории, так и ложной апологетике, закрывающей глаза на больные вопросы прошлого и настоящего России.

Пытаясь проникнуть в глубинный смысл возникновения и существования советского общества, автор высказывает мысль о том, что “избрание социалистической модели развития представляло собой российский, отличный от западно-европейского варианта путь к индустриальному обществу”. При этом выделяется ряд фундаментальных факторов становления такого общества: догоняющий тип развития страны, необходимость форсированных темпов перехода от аграрного общества к индустриальному, обусловивших повышенную конфликтность протекавших социально-экономических и политических процессов. Отдавая предпочтение Февральской революции, автор в то же время не исключает и закономерный характер Октября 1917 г. Раскрытию этого положения способствует содержание разделов о социально-экономическом состоянии страны и основных направлениях общественной мысли, возникших на рубеже XIX - XX вв.

Путь построения нового общества не был одновариантным. Сталинской модели развития противостоял НЭП. Рассматривая причины его свертывания, автор отмечает, что “старая система эксплуатации крестьянства исчерпала себя, индустриализация же была возможна главным образом за счет усиления его эксплуатации. По мере того, как государственно-партийная власть осознавала это, дни НЭПа оказались сочтены”. В связи с этим вряд ли будет правильным расценивать ликвидацию НЭПа как политическую ошибку Сталина. Это был скорее просчитанный ход, хотя он и противоречил принципам ленинской политики.

В последующий период сталинская система не могла оставаться без изменений. Начало им положила сама смерть Сталина. И это понятно, так как созданная им система в значительной мере была замкнута на его личности, авторитете. Вместе с тем в учебном пособии обозначены глубинные факторы, которые предопределили последующие попытки реформирования советского общества. К ним автор относит завершение в послевоенное десятилетие индустриализации и “начало принципиально нового, постиндустриального этапа развития”.

Реформаторскую деятельность Н.С. Хрущева он расценивает как либерализацию советской системы и не склонен ее неудачи сводить только к субъективному фактору. Он отмечает, что “реформаторский

потенциал общества оказался ограниченным...” При Л.И. Брежневe попытка соединить командно-административную систему с элементами экономического стимулирования обернулась свертыванием экономической реформы. В результате Советский Союз не смог перейти к ресурсосберегающим технологиям и наукоемким производствам, что успешно осуществили развитые страны. Так, по мнению автора, советское общество оказалось на пороге новых крутых перемен.

В последующих главах книги глубоко исследуется трагический поворот событий “перестроечного” и, в особенности, “постперестроечного” периодов. Оценивая причины поражения М.С. Горбачева и прихода к власти радикалов во главе с Б.Н. Ельциным, опираясь на многочисленные факты и документальные данные, автор делает ряд принципиальных обобщений и выводов. По насыщенности и критическому накалу мысли эта часть авторского повествования, пожалуй, представляется наиболее напряженной.

Поиск оптимальной модели реформирования оказался подмененным радикально-обвальным методом «революционной» капитализации общества. При этом борьба за политическое лидерство подменила решение неотложных социально-экономических проблем. Поскольку подобный способ трансформирования общества находился в глубоком противоречии с коренными интересами большинства населения, ельцинско-гайдаровско-чубайсовский эксперимент изначально ставил страну в тяжелое положение. Автор приводит убедительные доказательства того, что данный вариант развития не мог не привести к развалу экономики, разрушению производственного, научно-технического, оборонного, интеллектуального и культурного потенциала, обнищанию большинства населения при резком социальном и имущественном расслоении общества. За ошибочный курс “шокотерапии” государством уплачена непомерно высокая социальная цена. Так, уже в 1993 г. слой богатых в стране составил 3-5%, среднеобеспеченных - 13-15%, бедных - 40%, нищих - 40% населения.

Пиком российской драмы XX в. автор справедливо считает развал бывшего СССР. Ибо прекратила существование великая держава, которую в течение столетий строил и обустроивал многомиллионный и многонациональный народ, населявший шестую часть суши. Все это ухудшило и еще будет ухудшать геополитическое положение страны.

К сожалению, посвященные современному периоду разделы не во всем написаны ровно. В них выясняется ошибочный характер тех или иных решений, дается им критика, но не раскрываются условия, в которых они были приняты, их причины. Это снижает объективность авторских оценок происходивших событий.

Как всякая честная книга, исследование Г.А. Цыкунова не претендует на исчерпывающие ответы по возникающим у читателя вопросам. Предложенный автором подход, напротив, побуждает читательскую мысль к более интенсивному осмыслению причин и следствий, обусловивших драматическую судьбу России в текущем столетии. Основную причину российской драмы автор усматривает в том, что «Россию традиционно обходили пути эволюционного развития и результатом стала утрата ею возможностей найти оптимальный вариант развития».

Но тогда в ином ракурсе высвечивается проблема соотношения эволюционного и революционного начал в естественно-историческом процессе. Ведь и путь так называемого «западного свободного демократического общества» развертывался не только в эволюционном русле, но проходил и через революционные потрясения, и даже чаще, чем в России. Был ли «ленинско-большевистский путч» насилием над историей? Или же, явившись закономерным следствием действия накопленных российским обществом взрывных тенденций, которые «сработали» подобно детонатору, он со всей очевидностью обнаружил неизбежность бесконечной череды эволюций и революций, типичных для индустриального общества?

Но ради истины нужно отметить, что шансов у России для эволюционного развития было крайне мало. И всё-таки, став сегодня на путь радикальных преобразований, не упускаем ли мы в погоне за Западом возможность эволюционного развития, как это было в начале XX в.? Не является ли в современных условиях такой возможностью развития идея перехода к модели «устойчивого развития»? Исчерпал ли весь свой идейный и аналитический потенциал марксизм, который заявлял, что «свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех»? Словом, немало актуальных проблем поднимается в рецензируемой книге.

Так, на наш взгляд, автор справедливо утверждает, что нынешним высшим чиновникам стоит обратиться к идеям либерализма, не утратившим своего общественного значения для современности. В частности: «исполнительная власть должна быть ограничена властью законодательной, находящейся под контролем судебной власти». Только такая сильная власть способна защитить интересы народа. Однако оказавшиеся в победителях «далеко не лучшие в демократическом отношении политические силы» не смогли даже правильно распорядиться выпавшей на их долю возможностью управлять. Все это, заключает автор, «заставляет бояться ученых - фанатиков, стоящих на вершине власти». Для определения всего содеянного со страной он подбирает до-

вольно точный термин, введенный С. Говорухиным: «великая криминальная революция».

И еще одно ценное наблюдение автора: любая система на переломном этапе своей истории, в том числе и советская, при всех её недостатках накапливает и содержит положительные, жизнеспособные для дальнейшего развития формы. Можно по-разному воспринимать исторический опыт России. Героическое и трагическое переплелось в нем в едином процессе, причем трагическое нередко преобладало. Ценой больших потерь пришло осознание того, что всё, не отвечающее общечеловеческим ценностям, отвергается историей.

Но российский опыт очень многое дал и всему остальному миру. Он побудил его к использованию коллективистских форм и рычагов организации производства, к воздействию государства на социальную сферу, к движению по пути общей социализации. В этом смысле опыт России XX в. уникален, он является одновременно и частью общечеловеческого опыта.

Поэтому Г.А. Цыкунов имеет все основания завершить исследование «исторической драмы» России на оптимистической ноте. Страна сохраняет шансы на социальный прогресс и достойное место в мировом сообществе, минуя новые радикальные потрясения. Её народ обладает потенциалом для преодоления системного кризиса и возрождения Отечества. Для этого нужна общенациональная идея, способная консолидировать народ и выразить совокупный интерес всего населения, нужны воля и умение правительства реализовать возможности, исторически и генетически заложенные в российском обществе.